

*Елена
Арсеньева*

ЛЮБОВЬ ВЕЛИКИХ ЖЕНЩИН

*И звезды
любить умеют*

И звезды любить умеют

Елена Арсеньева

Кураж (Елена Кузьмина)

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Кураж (Елена Кузьмина) / Е. А. Арсеньева — «Автор», — (И звезды любить умеют)

ISBN 5-699-07298-5

Они были великими актрисами, примами, звездами. Однако эти женщины играли свои роли не только на сцене, но и в жизни. В этом их сила – и их слабость, счастье и великая беда. И все же... Прожить несколько жизней – чудесный дар, которым наделены лишь единицы: Вера Холодная, Айседора Дункан, Анна Павлова... Все они любили и были любимы... Об актрисах, их счастливой и несчастной, великой и мимолетной любви читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

ISBN 5-699-07298-5

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Елена Арсеньева Кураж (Елена Кузьмина)

Плохо это или хорошо, когда у режиссера, постоянно снимающего классные фильмы, жена – киноактриса?

– Конечно, хорошо! – скажут одни. – У нее нет проблем с ролями. Пусть только муж попробует не отыскать для нее хоть какую-нибудь ролишку в своей новой работе – можно устроить ему такую веселую жизнь, что впредь он будет снимать жену только в заглавных ролях! Вот именно – никаких проходных эпизодов. Никаких ролишек! Режиссер должен браться только за те картины, где сможет блеснуть его жена. А всякие там глупости о чистоте искусства и объективности творчества... чепуха какая!

Ей-богу, трудно с этим не согласиться.

– Ничего нет хуже! – закричат другие. – Режиссер, считай, в таком случае погиб. Ему нужно или разводиться, или каждый день вбивать в жену ума-разума, оставшись с ней наедине. Жена-актриса способна прикончить самый интересный замысел, если он направлен служению чистому искусству, но не отвечает ее личным желанием. Даже самая убийственная раскрасавица не всегда может хорошо играть, а ведь женщина обычно убеждена, что, если у нее смазливая мордашка, она априори гениальная актриса. Но это только чистота – залог здоровья, а красота – отнюдь не залог таланта! С другой стороны, если у режиссера жена – талантливая уродина, его ждут те же самые муки. Она возненавидит всех красоток вокруг себя и будет выдавливать их из фильмов мужа, как зубную пасту из тюбика. В конце концов вместо фильма получится один такой выдавленный тюбик. Нет, жена-актриса – сущий кошмар для мужа-режиссера!

Истинная правда и это...

Честно говоря, ответа на вопрос, который постоянно муссируется в мире кино, не знает никто. Не знала даже актриса, которая побывала женой не одного, а двух режиссеров!

* * *

Накануне наступления Нового, 1933 года в некоей московской семье – вроде бы самой обычной, муж, да жена, да крошечная дочка – настала такая напряженка, что хоть святых выноси.

Никаких святых, то есть икон, в доме (и не только в этом!), разумеется, не было, хотя бы потому, что здесь жили люди самой прогрессивной профессии. Супруги работали в кино. То есть семья была на самом деле не слишком-то обычная... Мужа звали Борис Барнет, он был знаменитый режиссер, к тому времени поставивший такие популярные фильмы, как «Окраина» и «У самого синего моря», ну а женой была известная актриса, можно сказать, кинозвезда Елена Кузьмина. Разумеется, она снималась во всех фильмах своего мужа, а, впрочем, была известна и до брака с ним благодаря фильмам «Новый Вавилон» Григория Козинцева и «Одна» Козинцева и Леонида Трауберга.

Барнет и Кузьмина поженились по великой любви совсем недавно. Однако сейчас, в предновогодье, ощущали одно и то же желание (ведь муж и жена – одна сатана): чтоб если не свя-

тых, то хоть кого-то из них, грешных, «вынесло» нынче из дому! Проще говоря, они отчаянно хотели встречать Новый год порознь, каждый в своей компании.

Какая компания будет у Барнета, Елена Кузьмина (домашние и друзья обычно звали ее Лёля или даже Лёлька), не знала и знать не хотела: одни только попытки размышлений на сей счет наполняли ее душу унынием и сожалением о напрасно начатой семейной жизни. А впрочем, она ничего не имела против того, чтобы хоть на праздничную ночь избавиться от неумолимого, сурового давления (прессинга, как выразились бы теперь) своего мужа, который неуклонно и неустанно, день за днем и ночь за ночью внушал жене, что она никакая не актриса, а вообще невеста что, сущее недоразумение. И снимается только потому, что повезло ей заарканить такого красавца, такого молодца, такого таланта и, можно сказать, гения, как Барнет, который слишком любит жену и не может ей отказать в требованиях роли, в то время как она, конечно, губит все его фильмы. А если даже и не губит, то запросто погубила бы, не будь он, Барнет, такой красавец, талант и молодец. Можно сказать, гений!

Лёля Кузьмина, которая никаких ролей у Барнета не требовала и еще помнила, что влюбился-то в нее Борис потому, что пленился *ее* талантом и, пожалуй, даже красотой (хотя бабушка в детстве и называла внученьку, сердечно любя ее, «бацагавс», что по-грузински означает «на гуся похожа», но все же сочетание русской и грузинской крови в жилах Елены Кузьминой не могло не дать очень даже симпатичного результата – и дало-таки его!), ужасно терялась, слушая его. И во время его патетических речей, произносимых весьма прочувствованно и выразительно (Барнет и сам был немножко актером, как и всякий режиссер), она даже не спорила, а смотрела в одну точку где-нибудь на стенке или на полу, словно там, в этой не приметной точке, невероятным образом сфокусировалась вся ее недолгая жизнь, такая обыкновенная до появления ФЭКСа и такая феерическая, такая невероятная – после...

Ох уж это магическое слово ФЭКС! 20-е годы были прославлены модой на самые немислимые аббревиатуры от СССР, ВЛКСМ до ОГПУ и НКВД, а также какого-нибудь Охматмлада (что бы это значило?!). Но даже народ, здорово поднаторевший в расшифровке самых загадочных буквосочетаний, спотыкался на ФЭКСе. А между тем это означало Фабрика эксцентрики или Фабрика эксцентрического актера. Устроили свою мастерскую кино, сняв в Ленинграде полуразрушенный особнячок, два начинающих кинорежиссера, Григорий Козинцев и Леонид Трауберг. И пригласили прийти на отборочный тур всех, кто хотел бы стать актером.

Во все времена и во всех странах количество таких желающих превышало все разумные пределы. Немислимый конкурс был в актерские учебные заведения, и очень много было в толпе, осадившей ФЭКС, тех, кто «отсеялся» при попытке поступить в более серьезные театральные и даже балетные школы. Народ в особнячок собрался с бору по сосенке и одет был соответственно: не стоит упоминать, что разнообразием туалетов в 1924 году не блистали! Однако девица в синем платье из тафты, в лакированных туфлях, с высоко взбитыми волосами и с маникюром выделялась не столько «изысканностью» наряда, сколько своей редкостной надменностью.

Наряд мама с квартирной хозяйкой собрали «из бабушкиного сундука», потратив на «модернизацию» несколько дней и ночей, однако надменность девицы проистекала отнюдь не из гордости своим туалетом. Она «делала лицо», чтобы не выглядеть жалко! Тафтяное платье коварно царапало шею, пальцы были изрезаны неумелой маникюршей (кто не испытал этого удовольствия и не знает, как долго пальцы потом болят, ничего не поймет, конечно!), а лаковые туфли жестоко жали ноги. Правда, в сумочке лежали тапки, но Лёля Кузьмина (это она была надменной девицей) решила надеть их только после того, как выйдет назад на улицу. Тапки были поношены для неприличия и никак не шли к тафтяному платью и высокой прическе (да, кстати: вдобавок ко всему Лёля ужасно боялась, что ее скользкие, тяжелые волосы возьмут да и рассыплются по плечам, поэтому и задирала нос, чтобы не потревожить прическу!). А

уж экзамена-то она боялась чуть не до обморока! Она держалась из последних сил, когда ее наконец вызвали в комнату приемной комиссии.

Лёля очень старалась, чтобы не показать своего страха. Первым признаком страха, по ее мнению, был предательский румянец. «Покраснела я или нет?» – мучилась Лёля. Потом вспомнила, как они еще в школе всегда узнавали, какого цвета лицо, посмотрев на кончик носа. И уставилась на него обоими глазами. Оказалось, он красный, и Лёля очень огорчилась.

От стола, за которым сидела комиссия, раздался смех, но Лёля решила не принимать все на свой счет. Вдобавок проклятые туфли впились в ноги, словно два маленьких крокодила. А между тем они не были сделаны из крокодильей кожи – отнюдь!

– Садитесь! – пригласили ее.

Лёля села в кресло с торчащими пружинами и сунула под него ноги.

– Жмут? – спросил кто-то добрым голосом. – Снимите совсем.

– Что вы! – гордо сказала Лёля. – Они мне в самый раз!

– Вы Кузьмина? Сколько вам лет?

Лёля моментально забыла про туфли. В заявлении она написала – восемнадцать. На самом же деле...

– Ну... семнадцать... с половиной, – промямлила она.

– Все-таки полгода скостила, – хмыкнул кто-то из комиссии.

Лёля промолчала. На самом деле ей следовало бы «скостить» еще полтора года: ей было всего лишь шестнадцать.

– Почему вы решили стать киноактрисой?

– Просто так. Хочу – и всё! Вы же стали киноартистами!

В комиссии снова начали смеяться. Потом Лёля услышала:

– А в девчонке есть кураж... Ну-ка, попробуйте показать нам какой-нибудь этюд.

– Чего?!

– Представьте: вы вошли в темную комнату и вам кажется, что в каждом углу вас кто-нибудь подкарауливает. Как бы вы это сыграли?

– Откуда я знаю – как?! Если бы я умела, я бы не пришла учиться!

Наконец это кошмарное испытание бессмысленными вопросами и жестокими туфлями кончилось. Первым делом, выскочив на крыльцо, Лёля надела тапочки и побрела домой, уверенная, что провалилась с треском. Она даже не пошла посмотреть списки принятых! Вместо Лёли украдкой сбегала в ФЭКС ее квартирная хозяйка – и вернулась с ликующим криком:

– Приняли! Приняли!

Значит, «надменная девица» все же показалась комиссии достаточно эксцентричной, чтобы учиться в ФЭКСе!

Когда первый приступ радости прошел, Лёля начала бояться еще больше. Григорий Козинцев, который преподавал «киножест» (так в ту пору называлось актерское мастерство), пугал ее до дрожи. Ему было двадцать два года, и ей, девчонке, он казался непроходимо старым и мудрым. Ходил он в костюме гольф и в чулках невероятных расцветок – тогда это был писк моды среди кинематографистов всего мира. Козинцев садился в кресло и закладывал ногу на ногу, обвивая их одну за другую чуть ли не три раза. Остальные называли его позу «завей веревочку» и пытались проделать нечто подобное. Никому это не удавалось. Потом Козинцев издавал резкий свист, что было сигналом к началу урока, а потом стало сигналом к началу съемок – вроде команды: «Мотор!»

Однако Лёлины дела на уроках шли неважно. Она зажималась, стеснялась, заявленная на экзамене эксцентричность куда-то подевалась. В обязательной фэксовской форме – белой блузке и синих брючках, купленных на последние деньги, – она чувствовала себя не будущей актрисой, а неудачницей, неумехой, неуклюжей, глупой... ну и так далее. В ней всегда была развита склонность к самокритике! Маме, которая с легким сердцем оставила дочку учиться в

Ленинграде и укатила в Тифлис, Лёля лихо врала в письмах, что все идет нормально. Однако Козинцев окончательно разуверился в ней. Даже не обращал на нее внимания!

Дело было плохо... Лёля уже решила, куда денется, когда ее выгонят из ФЭКСа, – устроится вагоновожатой на трамвай. Замечательная профессия. Правда, Леонид Трауберг почему-то уверял, что у нее все еще получится и в ФЭКСе...

Самое смешное, что он оказался прав. Однажды Козинцев велел приготовить комедийные этюды. И оказалось, что это гораздо труднее, чем драма или мелодрама, которые удавались всем, кроме Лёли. Мало просто насмешить! Мало бить друг друга по голове, делать харакири, взрывать во рту сигары и изображать сумасшедших. Это выглядело, конечно, очень смешно, однако зловредный Козинцев скучным голосом говорил:

– Не то!

Впрочем, все и так понимали, что «не то». И Сергей Герасимов, и Маргарита Бабанова, и Янина Жеймо¹, и другие фэксовцы, многие из которых стали потом замечательными актерами. Но тогда у всех было «не то», хоть тресни! Наконец вся группа показала этюды, а Лёлю Козинцев даже не вызвал. Она не обиделась, а разозлилась до головной боли и хамским тоном заявила:

– Я тоже плачу пять рублей (кстати, занятия в ФЭКСе были платные) и тоже хочу работать. Вы забыли меня вызвать.

Тонким от презрения голосом Козинцев сказал:

– Ах, мы забыли нашу примадонну! Прошу прощения!

И указал на середину зала.

С трудом справившись с ногами, которые, конечно же, немедленно онемели от страха, Лёля вывела себя на указанное место и принялась играть свой этюд.

Она изображала девчонку-шарманщицу, пришедшую в какой-то двор. В те времена таких девчонок еще можно было увидеть на улицах. Лёля крутила ручку воображаемой шарманки, морщась от звуков, издаваемых машинкой, обаятельно улыбалась слушателям с верхних этажей домов. Собирала деньги, завернутые в бумажки и сброшенные вниз, и, в зависимости от суммы, то улыбалась, то делала презрительные жесты. Потом долго и беззвучно (этюд был немой, потому что кино тогда было немое!) скандалила с воображаемым дворником и наконец медленно, с видом победительницы, удалялась, вертя бедрами.

И тут Козинцев вскочил и закричал:

– Великолепно!

Лёля расплакалась от счастья и убежала из мастерской. Зато она точно знала, что теперь-то у нее все получится!

Между прочим, с этим этюдом произошла очень смешная история. Козинцев и Трауберг вставили его в фильм «Братишка», и, когда мама повезла Лёлю на каникулах лечиться в Анапу (у нее с детства были слабые легкие), фильм шел там. Правда, от довольно длинного этюда остался только крошечный кусочек, но Лёля с мамой смотрели его раз сто, а потом умильно попросили киномеханика дать им кусочек пленки.

– А то знакомые до сих пор не верят, что моя дочка – киноартистка! – уговаривала Лёлина мама.

Киномеханик посмотрел на Лёлю с плохо скрываемым презрением, но кусок пленки принес.

– Ты моя патара гого, моя маленькая! – причитала мама. – Какая ты хорошенькая артистка!

---

¹ Эту актрису современный зритель может знать, прежде всего, по фильму «Золушка».

Пленку разрезали на кадры и раздали по знакомым и родне. Правда, когда на другой день Лёля с мамой снова пошли смотреть «Братишку», эпизода с шарманщицей они уже не увидели: киномеханик вырезал для них *всю* сцену из фильма.

Между тем занятия в ФЭКСе продолжались. Чему там только не учили: киножесту, истории кино, акробатике, танцам, фехтованию, боксу... Козинцев считал, что актер должен прежде всего в совершенстве владеть своим телом и лицом. Он до бесконечности тренировал – правильнее будет сказать, «дрессировал» группу, заставляя лишь с помощью рук, ног, мимики, а то вообще... спиной передавать крайние проявления боли, страха, счастья, испуга, тоски... А самое трудное было – мимически изображать полутона чувств, переходы их одно в другое. Но именно этого требовал от актеров «Великий Немой» – кинематограф.

Театральный актер мог сказать: «Мне холодно!» или: «Мне страшно!» – и зрители верили ему, что называется, на слово. Киноактер мог рассчитывать только на свое говорящее лицо, говорящее тело. Кажется, у Лёли Кузьминой это все-таки получалось. Причем получалось даже лучше, чем у других, потому что именно ее выбрал Козинцев на главную роль в фильме «Новый Вавилон» – о последних днях Парижской коммуны.

Строго говоря, в фильме играли многие фэксовцы. А еще там играли «типажи» – то есть люди, взятые просто с улицы, которые изображали как бы самих себя: сапожников, прачек, солдат – пролетариев, словом. Героиня Кузьминой, Луиза, была бедной продавщицей и дочерью сапожника. Ее «социальная принадлежность» доставила молодой актрисе массу обид. Ну да, ведь действие происходит в Париже в 1870 году. Какая в то время была мода! Турнюры, шляпы со страусовыми перьями, рюши, оборки, немыслимые прически... Все подружки Лёли по ФЭКСу были наряжены, как куклы, поскольку играли дам из высшего общества или буржуазок. А ей – ей, главной героине! – устроили из растрепанных волос на голове что-то невообразимое, стиль «воронье гнездо», а напялить заставили поношенное, уродское платье «в дрипочку». Костюмер сказал, что это недомерок, и страшно удивился, когда Кузьмина в него влезла, но она была не просто худая, а тощенькая, к тому же настолько приучилась владеть своим телом, что, наверное, ради съемки влезла бы и в выползину – сброшенную змеиную кожу! «Искусство требует жертв», – стоически подумала Лёля, изо всех сил стараясь смириться со своим непрезентабельным видом. Она даже не знала, каких еще жертв потребует от нее искусство, и очень скоро!

Начали утверждать кинопробы. И вдруг Лёлю вызвали «на ковер» к Козинцеву, и все собравшиеся: он сам, сценарист Леонид Трауберг, главный оператор Андрей Москвин, директор картины и другие – принялись пристально разглядывать ее... нос.

– Скажите, Лёлише, – наконец сказал Козинцев. – Откуда у вас на носу бородавка?

– Это не бородавка, – обиделась Лёля. – Это родинка. Я с ней родилась.

– Очень печально, – вздохнул Козинцев. – Придется от нее избавиться. Экран – вредная штука. На крупном плане она вылезает вперед, и при некоторых поворотах головы вы похожи на носорога.

Наверное, кому-то это покажется смешным, однако вопрос встал круто: немедленно удалить родинку Кузьминой – или искать другую актрису. История сия мгновенно стала, как принято выражаться, достоянием гласности. Подруги, друзья и едва знакомые люди приняли в обсуждении проблемы живейшее участие:

– Говорят, тебе надо удалить бородавку на носу?

– Не бородавка, а родинка...

– Ах, какая разница! Ни в коем случае не делай этого! Рахманинов умер просто от прыща, а тут целая бородавка...

– Это не бородавка, а родинка. А потом, Рахманинов жив. Это Скрябин умер.

– Неважно кто. У тебя может быть случиться заражение крови. Что тебе дороже: жизнь или кино?

– Кино...

– Ну и дура!

Но Лёле Кузьминой и в самом деле дороже всего на свете было именно кино. Поэтому она пошла в военно-венерологический госпиталь на удаление своей родинки, хотя все доказывали, что девушке туда идти неприлично, что она осрамит доброе имя свое и своих родителей и теперь ее уж точно никто не возьмет замуж. Учитывая, что Лёля в то время была влюблена в Сергея Герасимова, последний довод на нее чуть было не повлиял...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.